

К 120-летию со дня рождения историка Г.А.Попова

“Отец был скромным,
честным тружеником...”

(Воспоминания дочери Г.А.Попова)

А.Г.Попова

Жизнь заставляет оглянуться на прошлое. Страшно тем, кто причастен к рожденному злу. Кто старается притвориться, что ничего не помнит, так как это было давно. Возможно это страх за себя, за свое благополучие. Когда-то от них ждали справедливого отзыва, теплого слова. Но... Случается же беда, когда друга принимают за врага. Такое отношение к людям не может иметь никакого оправдания, так как их мысли были нацелены на неверие в человека. Страшна их холодная слепота. А жестокость?.. Жестокость к мнимому врагу.

Я ждала дня, чтобы не слышать клички «дочь врага народа». Как это жестоко! Я хочу, чтобы мои дети и внуки не знали людского презрения. Когда-то я отводила взгляд в

сторону от людей... О научных работах, об открытиях моего отца умалчивали, кто-то из его работ вырывал страницы и пользовался ими. Больно за все пережитое.

Пришло время, когда вскрыты заблуждения и ошибки, но на душе остался тяжелый камень. Эта боль прошла не мимо, а сквозь моё сердце. И страшно вспоминать об этом. До сих пор боль в сердце и спазмы при дыхании. Слезы льются, комок подступает к горлу. Я пишу об этом.

Родилась я в г. Якутске 29 ноября 1924 г. Отец Григорий Андреевич Попов до революции окончил духовную академию, был преподавателем истории. Мать Мария Яковлевна Попова (в девичестве Никитина — Л.Ж.*) — учитель-

Августа Григорьевна
Попова,

ветеран педагогического труда.

* Людмила Николаевна Жукова, внучка Г.А.Попова

ница начальных классов. В семье было двое детей: старшая сестра Ага (род. 3 февраля 1922 г.) и я.

Росла я здоровой, любознательной, в 5–6 лет ходила с мамой в школу (М.Я.Попова была учительницей в первом классе. — Л.Ж.), а в 7 лет пошла во второй класс. Во всех классах училась хорошо, была бойкой. Я училась в русско-татарской школе (теперь школа № 1) по Интернациональной улице (ул. им. И.Строда). Школа была теплая, с печным отоплением. Первой моей учительницей была моя мама (1-й и 2-й класс), потом в 3-м классе — Лидия Сергеевна Труфанова, в 4-м — Александра Ивановна Ковина, мать Нины Михайловны Ковиной (учительницы шк. № 3 и зав. гороно. — Л.Ж.). В русско-татарской школе дисциплина была плохая: один ученик зашел к директору и ударил (ранил) его ножом. Папа перевел меня в образцовую школу в 4-й класс, где преподавала А.И. Ковина. Школа была маленькая, далеко — у базара, во дворе школы № 26 (семья жила Залогом, по ул. Пролетарской, впоследствии ул. им. Ф.Попова; школа находилась по ул. Кирова, на территории нынешнего Епархиального управления. — Л.Ж.). Папа ежедневно провожал меня в школу и встречал. А иногда я ходила с Верой Нечаевой, с ней я и сидела за партой; ее сестра была замужем за Сабунаевым, которого арестовали, а жена с дочерью уехали. Была улица Сабунаева, которую переименовали в улицу Островского, где была школа № 3, и мама там работала. Затем школа № 3 переехала в здание Рабфака во дворе института (имеется ввиду первое высшее учебное за-

Г.А.Попов с женой и детьми

ведение в г. Якутске — педагогический институт по ул. Ярославского, школа располагалась в деревянном двухэтажном здании — бывшей мужской гимназии, затем помещение было передано ЯГУ. — Л.Ж.), а потом — в новое здание Залогом по ул. Дежнёва. Мама очень много лет работала в школе № 3.

Уроки я выполняла под руководством мамы, а остальное время мы проводили с папой в библиотеке и дома, он водил нас в музей, катался с нами на велосипедах. Он очень нас любил, никогда не ругал, не кричал и по натуре был очень спокойным, внимательным, чутким. Мама нас ругала, а иногда и наказывала (шлепала,

ставила в угол, когда не было дома папы). Дома у нас обычно было тихо и спокойно, все были чем-то заняты. Если с сестрой мы ссорились, мама наказывала обеих. Нас водили к учительнице, у которой мы учились играть на пианино. Одно время жил у нас на квартире Николай Николаевич Москвин вместе со своей матерью-старушкой. Они привезли свой рояль, который стоял в большой комнате. Николай Николаевич отлично играл на фортепиано и был нашим учителем. Они с папой часто пели, дома было всегда чисто, уютно, хорошо.

Папа рос сиротой, так как отец и мать его умерли рано, а единственный его брат Инно-

кентий покончил с собою, когда донесли, что он укрывает политссыльного. Родственников по линии папы мы не знали.

Часто бывал в нашей семье глазной врач Степан Александрович Титов — это первый друг папы. Он часто приходил со своею женою Клавдией Дмитриевной Быстровой — детским врачом, а также дочерью Соней (помню, у них умер сын от дизентерии). После ареста папы С.А. Титов никогда к нам не заходил и если по дороге увидит маму, то переходил на другую сторону улицы. С нами никто не здоровался, к нам (кроме Надежды Ивановны Риу и тётки Гали Афанасьевой — родственницы доктора наук, профессора Виктора Федоровича Афанасьева) никто не заходил, чтоб не навлечь на себя подозрение, так как мы считались «семьею врага народа».

При папе бывал у нас Платон Ойунский. Он считался другом моего отца, тоже был арестован. Часто бывал Илья Митрофанович Рукавишников — муж маминой сестры, тети Груни. Это единственный человек, при том родня, который на суде сказал, что папа, мол, был недоволен советским строем, возмущался новыми порядками (что-то вроде этого), был несоветски настроенным человеком. После суда адвокат сказал, что если бы не выступление, не показания И.М.Рукавишникова, то папа был бы дома, а то суд вынес решение: дело направить на пересмотр, оставив под стражей.

К нам часто заходил Пантелеймон Протопопов. Он работал в МВД, был мужем второй маминой сестры, тети Иры — моей крестной. Долго мы жи-

ли в одной квартире, пока они не продали свою часть дома, доставшуюся по завещанию от деда Якова Никитина — маминного отца.

В нашей квартире часто бывал Сесен Иванович Боло, которого папа очень уважал и встречал радостно. Очень часто заходил веселый старичок Николай Егорович Афанасьев. Он был разговорчивый, знал много шуток, прибауток, научил меня высчитывать таблицу умножения по пальцам (всю таблицу от 6 до 10). Ранее он был учителем и даже наркомом просвещения, был одинок и умер в доме для престарелых.

Бывал часто А.Ф.Бояров. Он работал, видимо, с папой в библиотеке, якут, жил по ул. Ем. Ярославского, у него была вторая жена. Мы с папой у них бывали, очень гостеприимные. Он тоже подвергся репрессии. Его сын от первой жены работал в Статуправлении по ул. Орджоникидзе, тоже приятный, доброжелательный, симпатичный якут.

Бывал очень часто и почти всегда с конфетами или пряниками, с цветами Иван П. Сойкконен. Он на мое десятилетие подарил мне толстый альбом с открытками. Альбом был им подписан. Судьбу Сойкконена не знаю, так как после ареста папы к нам никто не заходил. Он был молод, финн, из Ленинграда. Есть конверт с его прошлым адресом: г. Ленинград, пр. Добролюбова, 7/2, кв. 59. Все папины друзья были веселыми. Сойкконен и папа часто с нами играли в лапту, в городки, в бабки, в игры с мячом.

Когда приходили к нам гости, то на столе всегда был графин с вином, но папа не перепивал, я не помню его пьяным

(после гостей в графине оставалось вино). Посуда была красивая. Папа со своими друзьями немного выпьют и всегда пели, а Н.Н. Москвин играл на рояле. Папа любил церковное пение, любил украинские песни, а застольную песню всегда исполнял один. Голос его был громкий, пел от души. Мама не пела. Папин голос передался моей сестре Аге, но она пела редко, так как обстановка в связи с арестом папы была не для пения.

У нас у всех были велосипеды. Рано утром папа один всегда на велосипеде ездил на протоку купаться и брал с собой собаку по кличке Верный, она бежала за ним и тоже купалась. А вечером на велосипедах папа с нами ездил купаться на луг, на протоку р. Лены — на Белые пески или на Стрелку, но Верного не брали. Папа хорошо плавал. Мама была полной, купаться с нами не ездил; в лапту, в городки не играла. Она играла с нами в игру «Тише едешь — дальше будешь» (кидали кубик), и в другие игры, любила играть в шашки («простые», «поддавки», «уголки»). Пешки у нас были самодельные. Папа приготовил доску, расчертил её, распилил напополам катушки от ниток. Мы с мамой их выкрасили: одни в красный цвет, а другие — в черный. Ими мы и играли.

Из детских лет помню такой случай: кто-то решил учить маму кататься на велосипеде (чуть ли не Сойкконен). Мама была полная, ему было тяжело. Мама то педали крутила в обратную сторону, то равновесие теряла, вертела руль не туда, куда надо, падала... Все смеялись, ее учитель был весь в поту. Мама предложила отдохнуть, а сама села на

велосипед и уехала, она отлично каталась на велосипеде. Всей семьей мы часто на велосипедах, а то и пешком гостили на даче Хатын-Юрях у тети Иры Протопоповой, брали с собой продукты и шли к ним на весь выходной день. Автобусов тогда в Якутске не было. Дача была на опушке, называлась Новгородовской. Там были постройки: сеновалы, хотоны, качели, мы играли в «прятки», в лапту, рядом в проток купались.

Папа очень любил природу, часто бывали на даче в Сайсарах у Н.Н. Москвина, у которого была большая коллекция бабочек, стрекоз, жучков. Домик их стоял на опушке, леса не было, а бабочек летало много, а Николай Николаевич учил нас ловить бабочек сачками.

К Новому году, Пасхе и Рождеству в доме празднично все украшали. Мама стряпала, мы красили яйца, украшали ёлку, гадали — было весело, всегда приходили гости, приглашались дети и на наши дни рождения. Мамины сестры приходили с детьми.

Папа любил с нами ходить в гости. Вначале он брал только Агу, я была маленькой. Запомнила я мамин рассказ: сидим мы вдвоем с мамой, и я ей говорю: «Ты и я — сетки». Долго мама не могла понять, что за «сетки», переспрашивала меня, однокоренные слова и однозвучные подбирала, а я все твержу, что «ты и я — сетки». Тогда мама спросила: «А папа и Ага кто?». Я ответила, что папа и Ага — «куляки». Мама смеялась, поняв, что я хочу сказать: мама и я — домохозяйки, а папа и Ага — гуляки. Мама часто вспоминала эти слова.

Кукол покупных у нас не было, их не продавали, поэтому мама шила их сама и красиво разрисовывала лица. С куклами мы ходили на день рождения кукол к Надыбиным, Нине Ивановой, к Аде Шадринной и собирались у нас. Мама хорошо шила и вышивала. Все платья, костюмы мама шила сама и даже пальто. В школу мы ходили с тряпочными сумками, а в 8-м классе мама купила нам папки. Мама очень хорошо стряпала, запомнились ее высокие сочные рыбные пироги с хрустящей, рассыпающейся во рту корочкой. Папа очень любил мамины приготовления, особенно пироги, печенье, булочки. Любила мама стряпать вафли и просила нас ровно обрезать у них края. Мы обрезаем и едим вафли, мама не успевала за нами, и тарелка долго была пустой, пока мы не наедались. Маму мы уважали, побаивались и слушались. Папа нас не ругал и пальцем не трогал, за порядком в доме следила мама, а мы ей помогали, и ответить грубо, не подчиниться боялись, ее слово в семье было законом.

Мама и папа дома звали друг друга только Маруся и Гриша, разговаривали всегда спокойно, о своих бедах, переживаниях, неприятностях при нас, детях, никогда не говорили, и мы с сестрой не знали, что папа не работает. Они были очень дружными, заботливыми, внимательными друг к другу. Это была идеальная, дружная, трудолюбивая семья. Папа всегда носил галстук, был очень аккуратным, ходил в пенсне, носил усы, голос никогда не повышал, но просил, чтоб мы дома прибирали, мыли пол, стирали без него, что мы и выполняли. Уборку в

квартире производили тогда, когда папа был на работе.

Если мы с сестрой долго заигрывались на улице и ставни уже были закрыты, то мы смотрели в щели ставней, чтоб увидеть, дома ли папа. Если он дома, то мы смело заходили, так как он всегда просил маму, чтоб она вечером на сон грядущий нас не ругала, а поговорила с нами утром. Мы скорее в постель. Утром мама уйдет в школу, а мы прибираем, готовим кушать, чтоб мама не ругала.

Вечерами мама всегда читала, а папа работал за своим письменным столом. За обеденным столом каждый сидел на своем месте и пил из своей чашки. У папы был стакан в подстаканнике. За письменным столом папа одновременно писал, курил и пил чай. На рабочем столе у него всегда был порядок: бумаги лежали в папках, всё убрано в шкаф, в ящики стола. У папы была картотека, и он быстро в своем огромном шкафу находил нужную ему книгу. Дома папа читал нам книги, показывал интересные иллюстрации и очень рано стал водить нас, девочек, в библиотеку. Сам там что-то пишет, а нам даст книги, мы смотрим, читаем и гордимся, что сидим в библиотеке среди взрослых.

Папа много курил. У него была трубка с мундштуком. Он носил усы, был среднего роста, светлый, с голубыми глазами, в чертах лица было что-то якутоватое, отлично говорил по-якутски. Одевались родители скромно. В квартире мебель была та, что сделал для нас мамин папа — мой дедушка Яков Иванович Никитин: столы, стулья, шкафы, комод. Кровати у всех были односпальные и железные. При папе мы купи-

ли у А.И. Ковиной пианино, на котором было два подсвечника. Когда в семье не стало папы, мы стали жить трудно, так как маленькой зарплатой мамы-учительницы не хватало. Мы продали пианино, мамин велосипед марки «Три ружья», папино кресло... Вторично мы купили пианино, когда у меня появились дети.

Помню, папа большой пилот, двуручной, один пилил бревна, он топил печи, обледенял на зиму дом, так как сделали нам «голландку» — новую печь («грумгржимайло», с толстыми стенками), которая пожирала дрова, но не нагревалась. Мы ему из дома носили воду для снега. Папа сам нам подшивал валенки, спускал с крыши снег, а мы на санках снег возили на луг и на дорогу. Папа порою делал такие глыбы из снега, что мы не могли их поднять и положить в ящик, который стоял на санках. Сбросив снег, обратно кто-то кого-то вез в ящике, падали, смеялись и ссорились. Зимой дома было прохладно, часто не было электричества. Из комнаты в комнату ходили со свечами, на столе горела лампа (керосиновая), на шкафу коптился «светильник» (мама сплетала веревки и делала сальник, иногда зажигала лучину, когда не было свечей).

Когда был папа, то мы обед получали по карточкам в столовой на Романовке, так как папа одно время работал в ГУСМПе — в ЛУРПе или СЯРПе. У нас был судок (так, наверно, назывался — это три кастрюли стояли одна на другой, а сверху одна ручка для всех кастрюль). Я ежедневно ходила из Залого на Романовку за обедом в тот дом, который потом стал музеем «Романовка» (внизу была столовая).

Ввиду того, что папа окончил духовную семинарию, а потом Духовную академию в Казани, считали, что он не советский человек, и были на него бесконечные гонения. Папа учился до революции, не в советское время, и «советских академий» тогда не было. В мои школьные годы были такие «советские действия»: у кого есть бабушки и в их комнатах иконы, то шли к ним, снимали иконы и ломали их. Например, так поступили в доме моей одноклассницы Маруси Шубиной, так как у её бабушки висели иконы. Вот такое было время.

В 1937–1938 гг. папа очень осунулся, ходил печальным, задумчивым, каким-то рассеянным. По стране шли аресты. Папу отовсюду без всяких причин увольняли с работы (из библиотеки, из института, где он читал лекции по истории Якутии, он был большим знатоком своего дела). Люди боялись ходить друг к другу и только шепотом сообщали, кого в эту ночь «увели», у кого был обыск. Папу уволили и работу не давали. Он ходил в организации, добивался правды, убеждал, доказывал, но нигде никто не хотел слушать.

Папа чувствовал, что его кандидатура в списках на арест и очень переживал, хотя в душе теплилась надежда, что арест спасет его от гонений, что его там выслушают, разберутся и он будет дома, будет работать, так как не знал абсолютно никакой за собой вины. Он был честным тружеником. Папа очень изменился, куда-то уходил и возвращался мрачным и неразговорчивым. Дома назревало что-то непонятное. Все молчали. Родители о своих невзгодах, переживаниях при нас не говорили. До ареста па-

пы мы с сестрой не знали, что папа не работает. Он внешне ничем себя не выдавал и старался никого не расстраивать. По-прежнему за своим столом что-то писал, читал (он читал книги, газеты, только сидя за столом). Он у нас на глазах «таял». Обедали за столом почти молча, все что-то чувствовали, а что — не знали.

Ночью во двор въехала легковая машина. Стук в дверь. Вошли трое в штатском, предъявили ордер на обыск. Начали перебирать каждую книгу, бумажку, письма... Красивые альбомы со старинными открытками складывали в кули. Перебирали вещи, взяли золотые кольца и другие украшения. Брали вещи и все толкали в кули. Мама глазами показала мне на коробочку в шкафу. Там лежали золотой крестик, маленькая иконка под стеклом и медальон «Вера, Надежда, Любовь» (крестик, якорь, сердце и цепочка). Все было из золота. Я поняла мамин взгляд, выбрала момент, взяла эту спичечную коробочку в руки и пошла в туалет, где коробочку закопала. Это только и осталось у нас из дорогих вещей после обыска. Брали все, что можно было затолкать в кули. Мы все стояли молча, и никто не смотрел друг другу в глаза. Мы прижались к маме, и она обняла нас. Обыск шел долго. Были понятые — соседи. Все молчали. На рассвете полные мешки с нашими вещами и книгами занесли в машину и предложили папе ехать с ними.

Папа потеплее оделся, мама собрала ему еды. Мы плакали (сестра и я). Папа поцеловал маму, нас и сказал: «Я долго не буду. Скоро я вернусь. Ждите меня, скоро я приду домой». Так папа навсегда ушел

из дома, мы остались без папы.

Машина ушла. Понятые разошлись. Мы зашли в дом. Мама села за стол, голову опустила на руки и потеряла сознание. Напротив нас на улице Пролетарской, тоже в угловом доме, жила врач Бэла Борисовна Альперович. Я скорее побежала за нею. Бэла Борисовна тут же со мною пришла со шприцом и лекарствами. Увидев, что в квартире перерыто, все валяется на полу, она поняла, что случилось. Такое было каждую ночь в чьих-то квартирах. С этого дня мама часто стала терять сознание и падать в обморок. Выручала всегда врач Альперович, которая в ночь-полночь бежала к нам, бывало даже с мокрыми волосами в мороз. Она была большой приятельницей мамы, и когда под старость лет совсем уехала из Якутска, то посылала маме письма и открытки. Дом она продала, но с условием, что в одной комнатке до смерти будет жить ее муж — якут Новгородов, который очень пил и с которым она всю жизнь мучилась.

После ареста папы, когда ушла врач Белла Борисовна, мы молча поели и стали собирать в коробки, ящики, шкафы то, что после обыска валялось на полу по всем комнатам. Увезли много. Оставшиеся папины рукописи мама сложила в железный ящик, который принесла из амбара. Мама бережно хранила каждую бумажку, связанную с именем папы. Позднее к нам пришел сотрудник ЯФ АН Ф.Г. Сафронов вместе с женою и попросил для ЯФ АН папины труды и рукописи. Мама все подобрала и частично отдала. В 1967 г. в газете «Кыым» от 18 мая вышла статья Ф.Г.Сафро-

нова под заголовком «Г.А. Попов».

Шли томительные для нас дни, месяцы, годы... папа все был под следствием, поэтому свидания с папой нам не давали. Мама ходила по следователям, прокурорам, просила, чтоб дали разрешение на передачу, на свидание с папой. Чтоб сдать передачу в окошечко, мы стояли в очереди с утра до вечера у здания тюрьмы, где была уйма народу с узелками. Все стояли молча, никто ни с кем не разговаривал.

Помню только одно свидание с папой. Папа был под следствием, наверно, более двух лет. В угловом здании (угол ул. Попова и Ленина (позже ул. Мира, ул. А.Кулаковского. — Л.Ж.), на первом квартале, где сельхозтехникум) был дважды суд. На суд и из суда папу вели пешком. С обеих сторон, чуть-чуть позади, шли два вооруженных милиционера — конвой, подходить не разрешали. Суд вынес решение о пересмотре дела и из-под стражи не освободил. Дело моего папы послали в Москву, где «особка» (три человека) его заочно осудила и дала пять лет ИТЛ. Тогда ни за что давали 10—15—20 лет. Народ стонал от репрессий. Мама писала в Москву, и был ответ за подписью Берии, что дело Попова Григория Андреевича будет пересмотрено. Мы ждали, надеялись...

Когда из Москвы пришла бумага, что папе дали 5 лет ИТЛ (а он более 2 лет уже просидел в тюрьме под следствием), мы надеялись, что оставшийся срок папа перенесет, останется жив, и мы опять будем вместе. Мама добивалась свидания с папой. Разрешили. Оно было в здании МВД (каменное здание по улице Дзержинского, где под первым эта-

жом есть подвальное помещение и видны железные решетки). Когда мне дали квартиру по улице Дзержинского, дальше этого здания МВД, то больно было проходить мимо него: сердце перехватывало, слезы застилали глаза, комок подступал к горлу.

Мама, Ага и я пришли на свидание с папой. На нижнем этаже большая комната, часть ее ограждена барьером и сделан узкий коридор. Над барьером до самого потолка мелкая железная решетка. За решеткой через промежуток — вторая решетка. Между этими двумя решетками ходит с ружьем милиционер. За второй решеткой опять промежуток и опять решетка. Приводили заключенных и всех за последнюю решетку. Родные тут же подходили к первой решетке и переговаривались. Милиционер следил, чтоб лишнее не говорили, предупреждая, что прервет свидание.

Ввели папу. Он был очень бледный, похудевший, но старался держаться спокойно. Его ввели между двумя решетками, т.е. поближе к нам. У него было пониженный слух, и он плохо слышал. Успокаивали друг друга, что время пролетит быстро и опять будем вместе, просили беречь себя. Хорошо помню папины слова: «Дочки, дочурки мои милые, Гудок и Агусик (он так нас звал), учитесь хорошо, слушайте маму, не огорчайте ее, помогайте ей. Я живу надеждой, что опять буду с вами. Берегите друг друга. Если будет трудно, продайте мою библиотеку (книги), живите дружно, берегите маму...».

Свидание закончилось быстро. Конвой увел папу. Мама крепилась, а когда его увели, и его не стало видно, мама зары-

дала. С улицы Дзержинского до Залого мы шли домой пешком, шли молча, никто не мог говорить. Свидание это было после того, как из Москвы пришла бумага, что папа осужден на 5 лет ИТЛ. На свидании он говорил, что постарается как можно скорее сообщить, где он будет, куда повезут. Увозили их секретно и обычно ночью. Когда папу повезут, мы не знали. На пристани всегда народу было битком, так как гнали этап за этапом. Но если бы мы знали, когда повезут папу, то были бы на пристани. Наверно, папа глазами нас искал, но нас не было. Это был последний путь моего папы по родным местам, путь под конвоем по любимой реке Лене, мимо Покровска, где прошло его детство. Его везли в черное небытие лагерей, откуда он не вернулся. Состояние его, думы его можно понять. Так под конвоем он покидал родину – Якутию, для которой он сделал очень много, и жизнь свою, творчество свое он посвятил

родному краю. Этапом везли его в Караганду. Затем пришло от него письмо с адресом: Казахская ССР, Карагандинская область, Долинское почтовое отделение. Почтовый ящик № 246 – Т – 187477 Попову Григорию Андреевичу. Мы ему часто писали, посылали деньги, посылки. Оставался маленький срок (три–пять месяцев), и вернулась наша посылка с указанием: «За смертью адресата». Папы не стало 6 декабря 1942 г.

Папа писал, чтоб сохранили его рукописи, он знал цену своему труду. Он очень любил свою Родину, якутский народ, но со стороны властей все время подвергался гонениям.

Мария Яковлевна, жена и друг моего отца, не отказалась от него, не поверила обвинению и до конца своих дней осталась верной мужу. Мама бережно хранила его уцелевшие рукописи, верила в светлую душу отца, в его золотое сердце, в его любовь к людям, любовь к науке. Он был скромным и честным тружеником, в

нем было много энергии, он хотел работать, искал правду и верил в неё. Всё ложное, грязное не умещалось в его сознании.

Нет могилы моего отца, некуда возложить цветы и опуститься на колени. Так прожита человеческая жизнь, которая дается один раз. Я помню его руки, скрещенные за спиной, и слышу его голос: «Ждите, я скоро вернусь». Нет у меня права забыть об этом. Сколько перенесено стыда, горечи, душевной обиды...

Моя мать и мы, дочери, сохранили светлую память об отце. За свой честный труд Мария Яковлевна Попова получила звание Заслуженного учителя РСФСР, ЯАССР, награждена орденом Ленина. Этим она подтвердила верность своему другу и бессмертие трудов их обоих на благо родной Якутии.

Справедливость, долг, память – этого требует история.

Ленинград, 1995 г.